

Трудно писать, когда все еще не веришь, что нет в живых друга детства и всей твоей жизни.

С Юрой Киселевым мы жили в одном дворе (Тверской бульвар, дом 20). Мне было 7 лет, ему 16, когда в трамвайной аварии он потерял ноги. Травма была чуть повыше ступней, но врачи военной выучки в несколько приемов отрезали ему ноги почти по пах, не задумываясь о дальнейшей судьбе подростка.

Но Юра не потерял силу духа и оптимизм. Через два года он уже стоял на несовершенных протезах, которые в кровь стирали ему культи. Сначала он ходил с двумя костылями, потом с одним, а дальше вообще с одной тростью.

Рано столкнувшись с несправедливостью властей к инвалидам, Юра стал одним из первых защитников прав инвалидов. Они устраивали на инвалидных колясках демонстрации по улицам Москвы, пикеты и протесты.

Нас, тогда еще мальчишек, привлекало к нему его мужество и стойкость. Мы всячески старались помочь ему, он принимал нашу помощь без коммлексов, и это сближало нас. За это мы получали от него школу жизни, стойкости и справедливости.

В то время Юра уже учился в Строгановке (так называли Московское художественное училище, бывшее Строгановское) и часто брал меня с собой на этюды.

Помню, перед фестивалем 57-го года у него было курсовое задание: этюды красивых уголков Москвы, которые должны были потом идти в подарок иностранцам. Тогда мы с ним и узнали, что почти все красивые уголки Москвы: монастыри, соборы и мосты Москвы-реки и Яузы стали стратегическими объектами, так что пришлось познать произвол местных властей и порой удирать от милиции. Но этюды все-таки писались, а попутно Юра рассказывал мне много интересного о цвете, о перспективе, о композиции. Это были замечательные уроки по искусству — рисунку и живописи.

Один раз он писал этюд со скульптуры Мухиной на ВДНХ «Рабочий и колхозница». Я сидел, смотрел-смотрел, а потом мне стало очень скучно. И тогда я набрался наглости и сказал ему: «Что ты их мучаешь? Давай я за пять минут их тебе нарисую не глядя». Реакция Юры была мгновенной: «Давай».

Я начал быстро работать, стараясь уложиться во время, потом протянул ему свое произведение. Он внимательно посмотрел и сказал: «В тебе есть чувство и юмор. Дерзай».

Вероятно, это в дальнейшем и повлияло на ход моей судьбы и на выбор профессии (я тоже стал художником).

В 1956 году Юре по счастливой случайности удалось получить участок в

К сороковому дню кончины Юрия Киселева

Рассказ Миллы - Татрины - 1995
14-го июля - с. 17

Друг детства и всей жизни

Юрий Киселев (в центре) среди друзей.

Коктебеле, на Киловой горе, и началась многолетняя эпопея по строительству дома. В строительстве принимали участие все, начиная от местных рыбаков и до последнего гостя, жившего в этом доме.

Это история длинная и заслуживает отдельной книги. Дом строили 25 лет. Впрочем, прелесть этого дома была не в нем самом, а в его обитателях и, конечно, в хозяине. Юра был очень гостеприимен. Кто там только не жил: художники, писатели, барды и всегда — диссиденты.

Редкий правозащитник не был в этом доме, разве лишь тот, кто вообще не был в Коктебеле. В доме проводили дискуссии, устраивали лекции, пели песни гонимых бардов, читали стихи непризнанных поэтов и, конечно, взахлеб увлекались самиздатом.

Это все не могло не насторожить бдительное око властей, которых к тому же направляло московское КГБ, пристально следившее за правозащитной деятельностью Юры в Инициативной группе защиты прав инвалидов.

И вот в доме, который все мы называли «Киселевка», начались ночные облавы, проверка паспортов, штрафы за отсутствие прописки.

Понятно, что среди гостей попадались стукачи и провокаторы. Из-за щедрого гостеприимства Юры в дом легко мог проникнуть любой: с просьбой переночевать, а потом остаться.

Но стукачей мы научились узнавать: как внезапно они появлялись, так же внезапно и исчезали. Так постепенно происходил естественный отбор друзей. Смелые, сильные духом и убежде-

ниями оставались. Они уже никогда не покидали Юру — до самой его смерти.

Но было бы наивно думать, что Юру преследовали только в Коктебеле. Главным образом это было в Москве, причем делалось все тихо и подло.

Так, когда Юра переехал по новому адресу (проспект Жукова, 14), в доме 20 по Тверскому бульвару тут же снесли его гараж со всем имуществом, без его ведома просто свезли все на свалку. Потом на суде свидетели жэка давали такие показания:

1. Гараж был деревянный сарай, мы его ломом разломали, побросали все в самосвал и увезли.

2. Гараж был железный, три дня мы его автогенном резали, а потом еще два дня вывозили.

Судья признал действия жэка правильными, иск Киселева был аннулирован, в компенсации ему было отказано.

Впрочем, уже на третьем кассационном суде было решено выплатить ему мизерную компенсацию.

Тогда Юра добился разрешения на постройку нового гаража по новому месту жительства. Опять издевательское решение: ему отвели место в самом центре детской площадки. А ведь по закону власти обязаны предоставлять инвалидам место для гаража и отказать не имеют права.

И машина стояла на морозе. Срок ее годности уже давно истек. Инвалидам труда и детства не полагалось новых машин, им давали покупать только уже бывшие в употреблении.

А утром оказывалось, что фары ее побиты и тормоза перерезаны. И Юра лезет под машину ее чинить, а друзья несут чайник с кипятком отогревать мотор. И так продолжалось день за днем.

А вот еще один излюбленный КГБ прием: домашний арест по великим советским датам и в «диссидентские праздники»: в день политзаключенного и в день советской конституции. Двое в штатском перед дверью, вход и выход запрещены. Но Юра никогда не унывал, друзья были с ним, они помогали.

Вот тогда КГБ и сделал свой «козырный ход». Через местную администрацию Юру лишили дома в Коктебеле. Ему было предписано снести дом в течение 24 часов самому, но и тут им не хватило выдержки.

5 марта 1981 года они сами сожгли этот дом. Четверть века он и его обитатели мозолили им глаза.

Страховка оценила утрату и выплатила мизерную компенсацию, а местные власти снесли дом бульдозером и лишили Юру даже права пользоваться участком. Но фруктовые деревья, посаженные Юрой и его друзьями, цветут и плодоносят до сих пор.

А теперь уже нет и Юры. У него осталась мама, которой за 90 лет. Она перенесла с ним все его невзгоды, теперь она одна.

Елена Фадеевна, примите мои соболезнования. Я скорблю вместе с вами. Я надеюсь, что все Юрины друзья, которые не бросили его в трудные минуты его жизни, не забудут и о вас.

Пусть земля будет ему пухом.

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВ

Париж